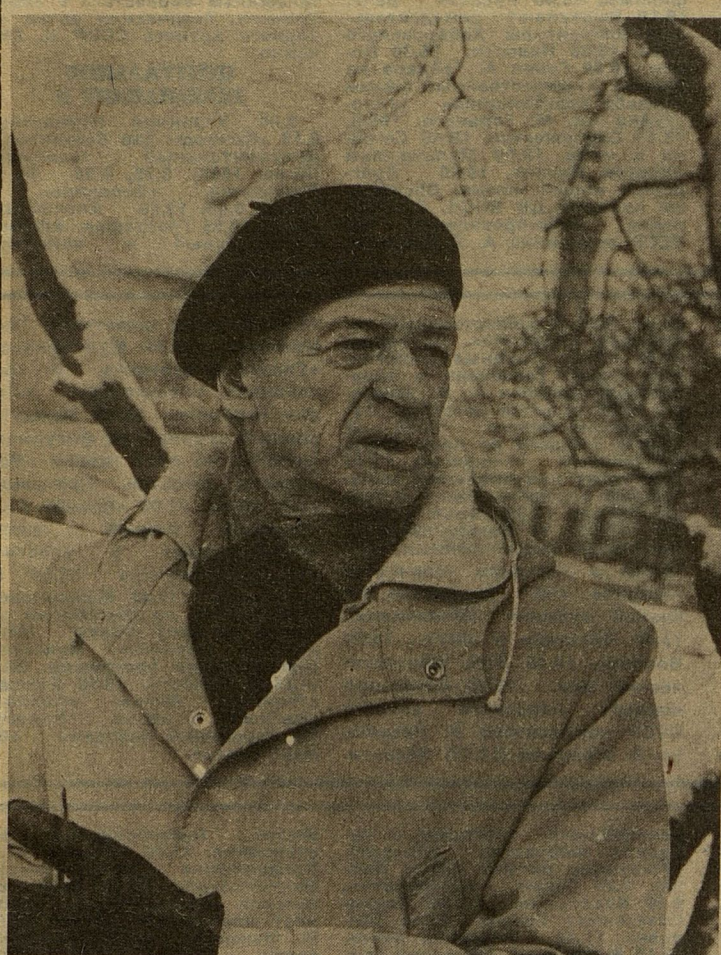

Советская Эстония
г. Таллин

1 АПР 1985

психологические. Проявил особенность намечающегося художественного почерка — обязательная деталь-символ, в которой сконцентрирован образ-мысль.

В «Ледоходе» таким символом стало место развлечения жителей маленького острова, мирная принадлежность мирного дома — качели. Качели, перевернутые гитлеровцами в виселицу, так как на острове не было ни одного дерева, а «порядок», принесенный сюда фашизмом, начинался с виселицы.

«Ледоход» был фильмом о войне, режиссер измерял ее бедствия масштабom человеческой души.

Масштаб, оставшийся неизменным для любой темы.

Социальная проблематика фильмов Калье Кийска, его режиссерское кредо наиболее полно, пожалуй, выразились в картине «Цену смерти спроси у мертвых» по сценарию Мати Унта, картине, завоевавшей главный приз на XI фестивале в Ереване.

Сценарий Мати Унта расска-

Люди искусства

РАВНОВЕСИЕ ДУШИ

— Я очень тоскую по театру. Он не снится мне только потому, что я теперь слишком рано встаю. Годы идут, а так много надо успеть сделать.

Так признавался он в интервью шестилетней давности. И мучился, потому что в нем реализовалось уж совсем небывалое сочетание: кинорежиссер и театральный актер.

Из театра в кино навсегда уходят чаще, чем наоборот. Люди театра чаще работают в кино, чем наоборот. Театральные режиссеры чаще ставят фильмы (и даже очень удачные), чем кинорежиссеры — спектакли. Но чтобы кинорежиссер — и на сцену, актером? А он, за последние два года не оставив кино, сыграл три разные роли в трех разных театрах.

Юбилейный вечер народного артиста ЭССР, лауреата Государственной премии республики, члена Президиума Верховного Совета ЭССР, первого секретаря правления Союза кинематографистов ЭССР Калье Кийска состоится не только в Доме кино, но и на сцене Таллинского академического театра драмы имени В. Кингисеппа, где в премьерном спектакле «В связи с переходом на другую работу...» юбиляр исполняет одну из главных ролей. Он работает за двоих, и ду-

ша его, наконец, обрела равновесие.

...Он был одним из двадцати четырех окончивших Эстонскую студию при ГИТИСе (эта студия дала эстонскому театру и кино крупных актеров и режиссеров — Григория Кроманова, Иту Эвер, Калье Кийска). Много играл, пробовал сам ставить и в общем-то оконно не помышлял ни сном, ни духом. Тем более, что тогда, в начале 50-х, на «Таллинфильме» своих режиссеров игрового кино не было, их приглашали из Москвы и Ленинграда. Вот это обстоятельство и сыграло в жизни К. Кийска «роковую роль» — его пригласили ассистентом-переводчиком на фильм «Яхты в море». С театром он уже успел немного познакомиться, а кино было землей неведомой, и его потянуло туда, где до всего нужно было доходить своим умом. Так он и начал свой путь — вместе с эстонским художественным кинематографом.

Первый же самостоятельно поставленный им фильм стал заметным событием в культурной жизни республики. Более того: дебют определил весь будущий путь режиссера. Назвал тему — человек в ситуациях критических, в обстоятельствах, требующих решительного выбора. Наметил сферу исследования — проблемы этические и

звал о самом трагическом времени в истории революционно-го движения Эстонии, 1925 год. Декабрьское восстание 1924 года разгромлено. Сотни бойцов арестованы. Многие расстреляны. Необходимо спасти остатки революционного подполья для будущих боев.

Расстановка сил такова: главный герой, руководитель подполья Антон Соммер в тюрьме. Ему грозит смерть. По другую сторону тюремной решетки его враги: министр внутренних дел, следователь, прокурор буржуазной Эстонии, и обыватели — самая страшная сила из всех.

Это они, обыватели, предадут Антона и его товарищей, поставили под угрозу дело всей их жизни. Разве красавица Дора не авидела лично Антона или пелю, которому он служил? Нет, просто ее попросили передать письмо, она и передала, несмотря на полицейский «хвост». Такое понятие, как предательство, для Доры вообще не существует — ее единственная любовь, единственный идеал, единственная партия — она сама. А уж себя-то, свои интересы она не предаст никогда.

А бывший друг Антона Бруно — разве ведает он, что творит подлость? Нет, нет и нет — он искренне хочет добра своему несчастному другу, который довел себя до тюрьмы. Ведь действительно нет ничего дороже жизни, что же он упрекает, подумавшись, совесть! Где будет твоя совесть, когда тебя расстреляют, и ты не сможешь дышать, двигаться, любви? Да и кому они нужны, эти идеи — свобода, равенство, братство — народу? О народе Бруно знает прекрасно, каждый дню наблюдает его из окна своей квартиры — у народа совсем другие потребности! Народу нужен покой!

Эгоизм, равнодушие ко всему на свете, кроме себя, — вот главная опасность, вот преграда на пути любого прогресса, питательная почва для всех и всяческих предательств, во все времена и у всех народов. Мысль не новая, но она находит в фильме убедительное выражение в конкретной ситуации.

Окно, закованное могучей решеткой. За ним то вспыхивает зарево, то расстилается гладкое, олеографически неживое море. Окно отделяет камеру смертника от мира. Но... Жизнь — по эту сторону окна, где борется обреченный, но не сломленный Антон Соммер. В мире его врагов — не жизнь, а лишь подобие жизни. Такого образное обобщение этой политической драмы.

А до этой ленты было «Безумие», — на мой взгляд, один из лучших фильмов Кийска, с огромным антифашистским пафосом, решенный под необычным углом зрения: почти все действующие лица — обобщенные социальные типы, порожденные фашизмом. Гестаповский офицер Виндиш, поста-

кам своей родины и рассказывает людям сказки. Не усыпляет, призывая к беспочвенным мечтаньям, но очаровывает души, напоминая о красоте звездного неба и чистоте человеческих взаимоотношений, о том, что в мире есть доброта и мечта. Кому напоминает он эти простые истины? Не нищим, не отверженным, а людям благополучным, забывшим за благополучием о любви к ближним.

Когда-то Сент-Экзюпери писал: «Человек в мою эпоху умирает от жажды. Есть только одна проблема, одна-единственная в целом мире: вернуть людям их духовные заботы. Нельзя больше жить холодильниками, политикой, балансами, кроссвордами. Больше нельзя! Перед нами стоит одна проблема: снова открыть, что есть жизнь духа, более высокая, чем разума, единственная, способная удовлетворить человека».

Экзюпери писал о вечной непреходящей жажде духовности применительно к своему времени. Тоомас Нипернаади — по своему! — озабочен той же проблемой. Озорные, пе-

ну на обстоятельства. Интереснейшие проблемы, интереснейший квартет. И какие актеры — Аарне Юксюла, Хейно Мандри, Мати Клоорен, Калье Кийск...

Герой Кийска держит экзамен перед прожитой жизнью. Ведь вот он сидит, председатель колхоза Сирый, в свое время сменивший на этом посту Выборнова, у кого из закрытых Выборнов последнее вытаскивал, чтобы с рекордом на всю страну прогнать, — что ответить ему? Как объяснить, что стратегия большой игры интереса человека тогда не учитывалась? Что сам Выборнов из-за этого казнил себя больше всех, хотя и приходилось ему хуже всех — и сверху давили, и снизу подпирали. Знал он, каково в колхозах жилось, неплохой был председатель, не зря же не отпустили люди Выборнова из колхоза на работу в район — живой цепью поперек дороги встали. Но про это — забыли. А зерна посевного, им забранного, — не забыли. А зачем ему, Выборнову, нужно было рекорд обозначить? Чтобы технику получить, и фонды, и удобрения для тех же колхозов. Не для своей карьеры — для обеспечения их жизни, для того, чтобы его последователь Сирый смог сделать колхоз миллионером.

Трудный вечер выпал в жизни героев. Вечер, нашедший живой отклик в зрительном зале. На следующий день после самого первого спектакля Калье Кийска остановили на улице несколько человек.

— Мы видели вас вчера, — сказали ему. — Когда есть такие люди, как ваш Выборнов, хочется жить и работать как следует, без всяких скидок. Спасибо вам.

Промозглая таллинская слякоть в этот момент показала артисту свежим майским утром. Такую рецензию он получил первый раз в жизни.

Значит, подумал он, будем жить, как живет Выборнов. Без всяких скидок на обстоятельства.

...Он ищет себе актеров. Обезбужает город и окрестности в поисках натур. Запускается новый фильм — «Пять последних дней Виктора Кингисеппа» по сценарию Мати Унта (название условное).

Экран требует героя. Мы пережили инфляцию высоких слов — слишком часто они прикрывали казенщину, бездушные, мелкие интересы. Но не высокие слова виноваты, когда ими пользуются демагоги...

Экран нуждается в герое, для которого слова, как бы высоко они ни звучали, равны делу.

И режиссер Калье Кийск в этом требовании слышит социальный заказ времени. Потому что в кино нужно делать то, в чем нуждаются другие, что интересно другим. А значит, и самому режиссеру.

Э. КЕКЕЛИДЗЕ.
Фото Ф. Ключика.